

Семейные истории и детские воспоминания об эвакуации евреев из Латгалии, 1941–1945 гг.

Светлана Николаевна Амосова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Младший научный сотрудник

ORCID 0000-0001-7614-6549

Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

Тел.: +7(495)938-17-80

E-mail: sveta.amosova@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.22

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ № 23-28-00796 «Каталог текстов и сюжетов о Холокосте (на материалах экспедиций, соцмедиа и СМИ)», <https://rscf.ru/project/23-28-00796>

Аннотация. В статье рассматриваются вернакулярные формы памяти о начале Великой Отечественной войны и эвакуации. Материалами для статьи послужили интервью, записанные от жителей бывших еврейских местечек Латгалии (юго-восточной части Латвии) в 2012–2017 гг. Все рассказчики придерживались четкой хронологии – от июня 1941 г. (начала войны и отъезда) до 1944–1945 гг., когда происходило возвращение в Латвию. Анализ рассказов о причинах и начальном этапе эвакуации или бегства евреев в июне 1941 г. показывает отличия эвакуации из этого региона от других мест. Латвия была полностью оккупирована нацистскими войсками уже к началу июля 1941 г., поэтому решение об отъезде нужно было принимать буквально в течение нескольких дней. Важным этапом, который усложнял процесс отъезда, было пересечение «границы» – демаркационной зоны (бывшей латвийско-советской границы). Советские войска не пропускали новых советских граждан, пока не началось отступление, что привело к тому, что ряд евреев вернулись в свои местечки и погибли в Холокосте или же потеряли родственников в панике. Именно эти события, а также то, что не было никакой организованной эвакуации отличает

латгальские тексты от ряда других историй об этих событиях. Нарративы о войне и Холокосте во многом формировали идентичность евреев Латвии, являясь важной частью семейной и локальной истории.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Холокост, устная история, эвакуация, евреи, граница*

Ссылка для цитирования: *Амосова С. Н.* Семейные истории и детские воспоминания об эвакуации евреев из Латгалии, 1941–1945 гг. // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 424–462. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.22

Тема эвакуации и еврейских беженцев последние 30 лет нередко становилась объектом исследования как у российских, так и у американских, израильских и канадских исследователей. Вышло несколько фундаментальных работ об эвакуации в СССР во время Второй мировой войны, в которых была так или иначе затронута и тема еврейских беженцев и эвакуированных [Manley 2009; Holmes 2017; Belsky 2024]. Рост числа работ в этот период объясняется тем, что стали доступными советские архивы для иностранных исследователей, отдельные фонды и документы перестали быть секретными, а также были опубликованы ряд воспоминаний евреев из бывшего СССР и записаны различными организациями устные воспоминания бывших эвакуированных и беженцев. Однако большая часть исследований базируется на официальных документах и письменных воспоминаниях евреев, устные тексты используются гораздо реже. Рассматривались различные аспекты вопроса: советская политика, документы, процесс эвакуации и положение эвакуированных. Ребекка Манлей подробно описывает и анализирует государственную политику советского правительства относительно беженцев и эвакуированных, показывает смену государственной парадигмы от беженцев к эвакуированным, изменение отношения государства к перемещаемым лицам. Ларри Холмс, рассматривая на большом объеме советских документов процесс эвакуации и жизнь эвакуированных, обращается к анализу ситуации лишь в одном регионе – городе Кирове (Кировская область). Натали Бельская рассматривает жизнь в эвакуации и сложности, с которыми

столкнулись беженцы и эвакуированные в новых местах проживания, особенности их правового положения, поиска ими работы и жилья, их отношения с местными жителями и антисемитизм в тылу [Manley 2009; Holmes 2017; Belsky 2024]¹. Есть также ряд исследований, где центральное место занимала именно тема эвакуации, то есть отъезда, евреев СССР в глубь страны с территорий, которые были оккупированы. Одной из первых таких работ на русском языке стала статья Семена Швейбиша, где рассматривались численность, ход эвакуации и положение беженцев и эвакуированных, даже некоторые региональные особенности хода эвакуации [Швейбиш 1995].

Важными работами по теме эвакуации также являются статьи и монографии российских и зарубежных исследователей, в основном из Израиля. В статье Мордехая Альтшулера анализируется политика Советского Союза по эвакуации промышленных предприятий и их сотрудников, а также представителей культурной и государственной элиты в тыл. Автор не просто описывает политику, но и публикует обширную документацию, касающуюся практической реализации эвакуации в условиях хаоса и разрыва связей между центральными институтами и периферией, особое внимание уделено еврейским беженцам и эвакуированным [Altshuler 2014]. Американская исследовательница Лиора Эйзенберг и израильский исследователь Зеев Левин рассматривают положение евреев в эвакуации в Узбекистане и Киргизии соответственно, их взаимоотношения с местным населением [Eisenberg 2024; Levin 2003]. В сборнике статей и материалов под редакцией израильского исследователя Зеева Левина рассматривается положение еврейского населения СССР в годы Второй мировой войны через призму национальной политики, во введении составитель обращает внимание на разные группы тех, кто оказался в тылу, показывает, что их положение было разным и зависело от статуса, он выделяет три основные правовые категории – беженцы, эвакуированные и депортированные [Левин 2020, 14–17]. В целом в сборнике рассматривается положение евреев в тылу в различных регионах СССР, также представлена подборка документов о жизни евреев в эвакуации и свидетельства

¹ Большое спасибо за помощь в рекомендации и поиске литературы для статьи Владиславу Тюрину и д-ру Зееву Левину.

антисемитских настроений в тылу и подборка воспоминаний евреев, живущих сейчас в Израиле, эвакуированных из различных регионов Украины или Крыма в глубь СССР [Левин 2020].

Канадский исследователь Альберт Каганович в своей работе о положении евреев в эвакуации подробно останавливается и на процессе отъезда, отмечая отдельные региональные особенности, но все же не делая четких различий между эвакуированными и беженцами, и на бытовой стороне жизни евреев, однако, к сожалению, не всегда ясно, является ли описываемое положение уникальным и относящимся только к евреям или же это общая ситуация, в которой оказались все эвакуированные. Автор описывает события как уникально еврейские, однако другие исследования показывают, что в подобных ситуациях оказались многие беженцы и эвакуированные [Каганович 2023]. Особый интерес для моего исследования представляет статья канадской исследовательницы Анны Штерншис о причинах отъезда людей в эвакуацию, она основана на устных интервью, которые были записаны в 1990–2000-е гг. Исследовательница анализирует, как люди в устном нарративе объясняют причины своего отъезда в 1941 г. и мотивировки тех, кто остался и не уехал [Shternshis 2014].

Большая подборка воспоминаний и различная литература об эвакуации и бегстве евреев собрана на сайте «Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы» [Воспоминания]; пересказы воспоминаний евреев из разных местечек Латгалии опубликовал директор музея «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии» Иосиф Рочко [Рочко 2010]; подборка рассказов евреев из Зилупе подготовлена краеведом Иваном Сырцовым и выходцем из этого города Борисом Авербухом, в них довольно много внимания уделено теме эвакуации [Сырцов, Авербух 2010, 59–83]. События начала войны и бегства из местечек в Латвии описываются в статье латышского исследователя Иосифа Штеймана [Штейман 2009, 221–227].

Большинство опубликованных работ сосредоточены на государственной политике, положении беженцев и эвакуированных в новых местах жительства, отношениях с окружающим населением. Я же рассмотрю формальные особенности рассказов (структуру, общую топику и пр.), а также содержательную сторону – набор ключевых моментов в их вариативности: описания движения на восток, проблема принятия решения об отъезде, кто и как его принимал, как

описывается отъезд, с какими трудностями столкнулись люди на первом этапе пути. Кроме того, большинство исследователей привлекают материалы из разных регионов, я же сосредоточусь лишь на источниках из Латгалии (юго-восточной части Латвии) и постараюсь показать особенности региона и специфику отъезда из него.

Ключевые события и специфика региона

Стоит кратко отметить ключевые события предвоенного периода, которые повлияли на особенность положения евреев в самом начале войны и на Холокост. В 1918 г. Латвия стала независимым государством. Эзра Мендельсон пишет о трех разных группах латышского еврейства – курляндских евреях, латгальских евреях и общине евреев из Ливонии (в которую входили евреи Риги). Латгальское еврейство более или менее идентифицировало себя с польско-белорусской группой, их основным разговорным языком был идиш, а интеллигенция говорила на русском языке. До российской революции 1917 г. и независимости Латвии в 1918 г. эта часть входила в состав Витебской губернии. Латгальские евреи отличалась от еврейства другой части Латвии – Курляндии, которая была более урбанизированной, находилась под сильным влиянием немецкой культуры, в среде курляндских евреев были распространены немецкий язык и идиш [Mendelsohn 1987, 242–243]. В Латгалии в этот период проживала треть всего еврейского населения Латвии, в Даугавпилсе – самом крупном городе Латгалии – доля еврейского населения составляла 40,8%, в Резекне (Режице) – 41,5%, в Лудзе (Люцине) – 40,6% [Mendelsohn 1987, 244]. Если говорить об этноконфессиональном составе Латгалии в целом, то он был представлен тремя основными группами (русские старообрядцы, латгальцы и евреи); кроме них здесь жили белорусы, поляки, цыгане, небольшая группа немцев-лютеран. Следует отметить, что в Латгалии в этот период продолжали сохраняться типичные восточноевропейские штетлы, которые были не характерны, например, для Курляндии [Mendelsohn 1987, 242–243].

17 июня 1940 г. советские войска вошли на территорию Латвии. С этого момента Латвия стала частью Советского Союза, однако латвийское правительство оставалось формально частично независимым, даже вело внешнюю политику, сохранялась и советско-лат-

вийская граница (о событиях этого периода см. подробно: [Странга 2010, 112–123]). В ночь на 14 июня 1941 г. была осуществлена советская депортация из Латвии. В течение 1940–1941 гг. советские власти осуществили несколько депортаций с территорий, которые только что вошли в состав СССР. Депортации формально осуществлялись с целью «очистки от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» («врагов народа») и членов их семей. В основном выслались владельцы крупных предприятий, крупные государственные чиновники, а также участники антисоветских и антикоммунистических партий и движений. В результате из Латвии было выслано 15 424 человека, около 10% от числа всех депортированных составляли евреи [Странга 2010, 128]. Мужчин отправляли в лагерь (как правило, в Вятлаг), а женщин и детей – на поселение в Сибирь, Кировскую, Архангельскую области (об этом см., например, воспоминания Геси Камайской, семья которой была депортирована из Лудзы [Камайская 2013]). Как ни парадоксально, для многих еврейских семей это стало спасением от Холокоста, но почти все депортированные мужчины погибли в ГУЛАГе. 22 июня 1941 г. началась война между СССР и Германией, нацистские войска уже в конце июня – начале июля оккупировали всю Латвию, Латгалия была самым восточным регионом и была оккупирована на несколько дней позже Курляндии и других частей Латвии, поэтому времени на эвакуацию у латгальских евреев было на несколько дней больше, чем у других евреев Латвии. Однако никакой специальной эвакуации из еврейских местечек не происходило, большинство людей уезжали самостоятельно, в отличие от других территорий, где были крупные промышленные предприятия и сотрудников эвакуировали вместе с ними. В Латгалии подобных предприятий не было. Ситуация осложнялась тем, что железнодорожные станции были не во всех местечках, железная дорога проходила на значительном расстоянии, кроме того, поездов и вагонов не хватало.

Полевые исследования

Моя статья основана только на устно-исторических источниках, для сравнения я буду привлекать письменные эго-документы евреев Латгалии, но их количество невелико, а также ряд воспоминаний

наний евреев из Литвы, которые эвакуировались через Латгалию. Все интервью были записаны в 2012–2015 гг. в Латвии и Израиле от жителей бывших еврейских местечек Латгалии. Полевые исследования начались в 2012 г. в городе Прейли, их основной целью была запись воспоминаний о еврейской жизни до войны и Холокосте, об этнических стереотипах и межэтнических отношениях в межвоенный и военные периоды от русских старообрядцев и латгальцев, так как на момент экспедиции в бывшем еврейском местечке проживала только одна еврейка. Далее прошло несколько экспедиций в бывших еврейских местечках и городах Латгалии (Лудзе, Краславе, Карсаве, Зилупе, Вараклянах, Вилянах и др.), где фактически нет еврейского населения (исключение составляли Резекне, Даугавпилс и Лудза, где проживало более одной еврейской семьи). Затем полевые исследования были проведены в Риге и некоторых городах Израиля, где проживали евреи – выходцы из латгальских городов и местечек. Целью работы была запись воспоминаний о межвоенном периоде, событиях войны, традиционной еврейской жизни (праздниках, обрядах жизненного цикла и пр.) Все наши информанты 1920–1930-х годов рождения, которые в большинстве случаев уехали в эвакуацию со своими родственниками, поэтому спаслись от Холокоста (реже – спрятанные и спасенные во время войны соседями; дети высланных в результате депортации).

По результатам этой работы вышло два сборника статей и полевых материалов [Утраченное соседство 2013; Утраченное соседство 2016]. Часть материалов о Холокосте и эвакуации в эти сборники не вошла (за исключением небольшой статьи об одном из фольклорных сюжетов, который бытует у неевреев Латгалии: почему евреи не сопротивлялись во время Холокоста [см. Амосова 2023]); еврейские же воспоминания до сих пор не были опубликованы. Всего было записано несколько десятков интервью, примерно в трети из них есть рассказы о бегстве из местечек.

Рассказы об эвакуации

Все наши информанты к началу войны были детьми или подростками, старшему из них было 16 лет, младшему около двух, они жили в разных местечках Латгалии. Самым западным и дальним от

бывшей советско-латвийской границы являлся город Крустпилс, ближайшим к ней – Зилупе, от которого до границы несколько часов пешком. Хотя воспоминания записаны спустя много лет после событий и на них с течением времени могли повлиять самые разнообразные факторы, они содержат детали и подробности, далекие от шаблона, очень эмоциональные. Эти тексты составляют важную часть семейной истории и повествуют о том, что, как правило, не отразилось в официальных документах и не было предметом обсуждения историков. Все собранные нарративы – это истории беженцев, официальная эвакуация в них не представлена² [см. Левин 2020, 14–16].

Можно выделить основные структурные блоки этих рассказов (в конкретных текстах они могут быть представлены с большей или меньшей степенью детализации или вообще отсутствовать):

- описание первых дней войны и принятие решения об отъезде (фигура значимого человека, который дает совет);
- способ эвакуации и передвижение по Латвии;
- состав группы беженцев и вещи, которые берут с собой;
- остановки внутри Латвии;
- «граница с Россией» и способы ее перехода;
- движение вглубь СССР;
- обустройство на новом месте и жизнь в эвакуации / переезд на новое место / отправка на фронт.

Описание первых дней войны и принятие решения об отъезде. В наших записях нет историй о том, как люди узнали, что началась война. Все нарративы начинают свое повествование или с 14 июня, когда произошла депортация, или же с первых дней войны, когда принимаются решения об отъезде из местечка или уже начинается движение на восток, т.е. с 24–25 июня. О событиях первых дней войны и общих настроениях повествует уникальный источник – дневник пятнадцатилетней девушки из Прейли Шейны Грам, который она начала вести 22 июня 1941 г. Она делала записи на идише, сейчас дневник переведен на русский и латвийский языки [Грам 2015; Grama 2022]. Шейна описывает растерянность первых

² Однако в дальнейшем я буду использовать термины «эвакуация» и «бегство», «беженцы» и «эвакуированные» как синонимы.

дней, обсуждение отъезда и попытки уехать, она пишет о беженцах, которые идут через Прейли, и упоминает о слухах, которые они распространяют, но не пересказывает их. Сама Шейна Грам уезжает вместе с друзьями и родственниками в соседнее местечко Риебени, где живет ее тетя, но затем возвращается назад, и через пару дней она даже предпринимает вторую попытку покинуть Прейли, едет дальше в сторону границы, но все же возвращается домой [Грам 2015, записи от 26 и 27 июня].

Из дневника Шейны видно, что советские власти не предпринимали никаких попыток оповестить евреев об эвакуации. Не было транспорта, брат Шейны с друзьями уехали на велосипедах в сторону границы, Шейна также достает велосипед, чтобы уехать, но быстро возвращается домой, а вот ее подруга с дядей уезжают. Шейна ничего не пишет о желании остальных членов своей семьи уехать. Уже через неделю после начала войны Прейли был оккупирован, вся семья Грам, кроме старшего брата, который уехал, погибла в начале августа 1941 г. [Грам 2015, записи от 26 и 27 июня].

Большинство наших информантов на момент начала войны были детьми, поэтому решение об отъезде принимали не они сами, они не всегда помнят и знают, кто был инициатором отъезда. Подчеркну, что эти решения всегда были самостоятельными, никто не помогал той или иной семье или отдельным людям организовать отъезд, не существовало официальных предписаний, выделенного на это транспорта и пр. В ряде рассказов присутствует фигура некоторого значимого персонажа, который дает совет об отъезде. Так, в рассказе Раисы Фонаревой из села Нирзы это врач, с которым советовался отец: (см. воспоминания 1)³.

В случае семьи Друк таким советчиком оказался служивший в полиции сосед. Подобные нарративы приводит и Анна Штерншис в материалах из Украины [Shternshis 2014, 477–478]. В материалах из Латгалии также встречается устойчивый сюжет о «хороших немцах», которые во время Первой мировой войны не устраивали погромов и не трогали евреев, и вообще являются цивилизованной нацией, поэтому никакой опасности они не представляют [ср. в украинских материалах Shternshis 2014, 491–492]. Блюма Флоренц упоминает об этом, пересказывая слова своей мамы, объясняя по-

³ Все воспоминания см. в Приложении.

чему некоторые люди не хотели уезжать⁴. Подобный текст записан от нееврейского информанта из Краславы, его отец был аптекарем и советовал своему другу врачу, который был евреем и с которым они вместе учились в Берлине, уехать, однако тот отказался, объясняя именно тем, что немцы – цивилизованная нация:

Аптекарь Гордон, потому что отец – врач, а этот – аптекарь: друзья. <...> Так вот еще в 1939 году мой отец говорит этому Гордону: «Лазарь, уезжайте из Латвии, уезжайте!» – «Ну, что Вы, я, говорит, я тоже в Берлине с Вами учился, немцы высококультурные люди, такие, как я, им нужны». Так вот оказалось, что его в 1941 году в июне месяце увезли в гетто, и по пути то ли в Вышках, там акция была, то ли в Даугавпилсе в гетто, но, в общем, исчез человек. Очень был высококультурный. Так что <...> [Kras_12_01_Egorov].

Ряд информантов, объясняя причины отъезда, сообщали, что узнали о нелюбви немцев к евреям от беженцев из Польши и Литвы, и это мотивировало их: «К нам стали прибывать беженцы, рассказывать, что немцы убивают, что надо эвакуироваться» (см. воспоминания 6, 7). Некоторые слышали о жестоком обращении немцев с евреями по радио (см. воспоминания 7). По украинским материалам Анны Штерншис слухи от беженцев об убийствах немцами евреев были также причиной для отъезда части евреев [Shtetnshis 2014, 493].

Ряд информантов из Даугавпилса и Зилупе рассказывают о том, что причиной бегства стали бомбежки города и железнодорожной станции [см. Рочко 2010, 320–321; Сырцов, Авербух 2010, 75, 78]. Борис Файнштейн рассказал, что его родители не хотели эвакуироваться, но в результате бомбежки железнодорожной станции их дом, как и ряд зданий в центре Зилупе, сгорел, семья успела собрать несколько чемоданов и ушла к русским знакомым в деревню, после чего Борис, который был в это время подростком, настоял, что нужно уезжать из Латвии. В своем рассказе он подчеркнул, что если бы

⁴ Вообще сюжет о нежелании евреев эвакуироваться достаточно распространен и фиксируется в разных регионах. В нескольких воспоминаниях также встречается упоминание, что пожилые отказывались от эвакуации, так как в 1918 г. немцы не сделали евреям ничего плохого [Рух 2015, 41; Сырцов, Авербух 2010, 77–78].

дом не сгорел, то, возможно, семья бы не уехала [Сырцов, Авербух 2010, 78].

Способ эвакуации и передвижение по Латвии. Железные дороги в Латгалии постоянно бомбили (об этом, например, пишет в дневнике Шейна Грам) [Грам 2015, запись от 25 июня]. Белла Яхнина, которая жила в Даугавпилсе, описывает попытку ее семьи эвакуироваться на поезде, но его разбомбили сразу же на станции, после чего они пошли к границе пешком. Так уходили из Латгалии большинство беженцев, молодежь часто ехала на велосипедах, семьи, имевшие лошадей, уезжали на подводах⁵.

Важными моментами повседневности, о которых до сих пор помнят наши информанты, являлись разного рода традиции и приметы, которые играли роль в первые дни эвакуации. При описании дальнейших событий религиозные ритуалы уже никто не упоминает (исключением являются похороны старших членов семьи). Так, например, семья Друков ехала из Крустпилса, но остановилась в Латгалии в городе Лудза – не только для ночлега, но потому что наступал шаббат, а пожилые родственники его соблюдали. Однако после воздушной тревоги все быстро поехали к границе несмотря на религиозный запрет передвигаться в шаббат. Фрида Минскер также описывает остановку на шаббат (вероятно, все наши информанты вспоминают начало шаббата в пятницу 27 июня 1941 г.): семья остановилась в лесу под Карсавой, мама переживала, что не было халы и свечей. И хотя ходили слухи, что рядом уже высажен немецкий десант, семья двинулась в путь только в воскресенье утром [Рочко 2010, 389]. Эстер Мирецкая рассказала, что в пятницу перед шаббатом бабушка испекла хлеб, в этот момент начали бомбить Зилупе. Все беженцы, которые остановились у них, стали выбегать из дома с хлебом в руках. Именно в этот день семья Мирецких отправились в ближайшую деревню, но оставались в Латвии до 2 или 3 июля, когда уже первые нацистские отряды

⁵ В воспоминаниях Реувена Руха приводится подробное описание, как они со старшим братом ехали на велосипедах, родители шли пешком, часть пути они проделали, положив вещи на подводу, за которую заплатили. Он отмечает в своих воспоминаниях, что у них не было подводы и лошадей, поэтому бабушка и дедушка остались дома и не эвакуировались вместе с ними, поэтому погибли через несколько недель после оккупации нацистами местечка [Рух 2015, 41, 44–45].

появились в Зилупе, и только после этого двинулись в сторону границы [Сырцов, Авербух 2010, 75]. Блюма Флоренц из Вараклян подробно описывает отъезд и помнит, что ее дед – инициатор отъезда – поехал другой дорогой после того, как их группа встретила женщину с пустым ведром (см. воспоминания 3).

Состав группы беженцев и вещи, которые берут с собой. Поскольку все наши информанты во время начала войны были детьми, они в основном описывают эвакуацию всей семьи, причем часто не только с родителями, но и со старшими членами (дедушками и бабушками). Хава Пайкина рассказывает, что у них уже жили беженцы, вместе с которыми их семья и начала движение далее на восток. Довольно уникальным случаем является история отъезда семьи Шломо Камайского, который сам был инициатором отъезда еще в июне, но его родители отказались тогда уезжать. Только в начале июля 1941 г., когда раввин Карсавы призвал всех евреев уезжать, семья Камайских поехала вместе с ним и его родственниками, при этом все женщины из семьи раввина отказались уезжать: «И 3 июля 41 года наш раввин города Карсавы, рав а-гаон Дов-Бер Ольшванг, раввин Ольшванг, кричал на идиш, я Вам скажу на идиш, после перевода: “Идн, лейбт, дер мердер фар дер тир!” – “Евреи, бегите, убийца у дверей!”» (см. воспоминания 10).

Все информанты отмечают, что вещей брали с собой очень мало; из-за этого многим пришлось потом переезжать, потому что не было теплой одежды; некоторые вспоминали, что взяли одно пальто. Чаще брали небольшие ценные вещи, например, одна из информанток помнит, что взяли серебряные ложки. Иногда дети брали что-то наиболее ценное для них. Так, Б. Флоренц взяла подаренные ей коньки, они были совсем новые, хотя на подводе почти не было места; Самуил Слов из Даугавпилса взял с собой три альбома марок, коньки и географический атлас⁶ [Рочко 2010, 303]. Также говорят о том, что брали с собой фотографии (семейные альбомы), документы, деньги. Есть рассказы о том, что были собраны чемоданы, но подробного описания их содержимого нет. В воспоминаниях, которые опубликовал Иосиф Рочко, также часто упоминается,

⁶ Коньки и альбомы с марками он выбросил еще до пересечения границы, а вот атлас стал причиной проблем на границе, семья была принята за шпионов, так как у них была карта местности, но офицер забрал карту и пропустил семью дальше [Рочко 2010, 304].

что среди вещей были пальто, хотя считалось, что война не будет длиться много месяцев. Многие упоминают жаркую погоду в первые дни и недели войны, когда происходила эвакуация из Латвии, поэтому люди не брали теплую одежду и обувь.

Довольно часто в историях об эвакуации упоминается, что у старших родственников были с собой молитвенные принадлежности (тфилин и талит), но есть и случаи, когда люди брали с собой свитки Торы или священные книги. Хона-Бер Францер, который эвакуировался с большой группой родственников из Крустпилса, рассказал, что кто-то из семьи взял с собой свиток Торы, который везли на подводе с детьми. Лошадь застряла в болоте, телегу никак не удавалось вытащить, начался налет немецкой авиации, пуля попала в губу лошади, та от боли рванула и вытащила телегу. Этот свиток сохранился в эвакуации, а затем вернулся в Латвию [Рочко 2010, 374]; Эстер Мирецкая во время бегства из Зилупе встретила раввина Менделя Нехамкина с семьей, который катил детскую коляску со священными книгами [Сырцов, Авербух 2010, 76].

В ряде случаев описываются истории возвращения домой за вещами или потому, что считалось, что опасность миновала. Иногда это успешные истории, но в истории Беллы Яхниной папа вернулся за документами, больше они его никогда не видели, что с ним стало, семья так и не знает. Ничего крупного и даже достаточного количества одежды никто из беженцев не мог взять. Иногда отмечают, что родители брали с собой продукты, но и их количество было невелико. Это отличается от некоторых историй эвакуации из других мест, когда люди могли собрать больше имущества, потому что эвакуировались официально, был выделен транспорт, как, например, в истории эвакуации семьи Заславских из Симферополя:

Соб.: Вот, например, когда вы уезжали в эвакуацию, у вас было время собрать вещи, что вы там с собой брали?

Инф.: Все самое необходимое. Вот, когда мы уезжали, тогда еще можно было, поскольку у папы хорошая работа была, ему даже на работе дали грузовик и даже погрузили кое-что. Потом шла война, и все это уходило кто куда [Riga_14_15_Zas].

Граница с Россией и способы ее перехода. Одним из ключевых моментов в рассказах о бегстве из Латгалии является переход гра-

ницы. Несмотря на то что Латвия уже год была в составе СССР (как и другие балтийские республики и часть территории Польши), тем не менее для всех новых территорий сохранялась старая государственная граница. Официально данная территория называлась «зоной заграждения», ее целью было «не допустить проникновения контрреволюционных элементов вглубь СССР» [Инструкция 1995, 300]. Подобная ситуация была и с территорией Западной Белоруссии (см. подробнее о «зоне заграждения» на бывшей советско-польской границе в Западной Белоруссии в 1939–1940 гг.: [Карпенкина 2021]). На этой границе продолжали стоять советские войска, сохранялись пограничные переходы, для пересечения этой территории нужны были специальные разрешения.

Именно рассказы о том, с какими трудностями столкнулись наши информанты и их семьи при переходе этой границы, отличают их истории эвакуации от историй из других регионов. Эта граница была как символической (с лета 1940 г. до начала войны), когда латвийские евреи продолжали чувствовать себя частью латвийского общества и противопоставлять себя новой советской власти, так и стала вполне реальной в июне – начале июля 1941 г., когда бывшие граждане Латвии, а также Литвы и Польши, которые двигались через Латвию, не могли покинуть Латвию, потому что у них были иные паспорта, чем у советских граждан. В воспоминаниях Александра (Аббы) Слова есть рассказ о том, что у семьи вообще не было паспортов, так как старые сдали, а новые не получили. Были лишь справки на латышском языке, а у некоторых евреев были свидетельства о рождении, выданные синагогой на идише. У пограничников такие документы вызвали подозрения [Рочко 2010, 304].

В ряде рассказов есть подробное описание того, что происходило на границе. Так, некоторые наши информанты отмечают, что стояли и ждали, когда границу откроют, кто-то ждал неделю, кто-то пару дней. Похожая ситуация была и в Белоруссии: белорусские исследователи Е. Розенблат и И. Еленская приводят свидетельство о том, что бывшим гражданам Польши, которые проживали в Западной Белоруссии, тоже был закрыт путь через бывшую польско-советскую границу [Розенблат, Еленская 1997, 62]⁷. Несколько

⁷ Исследователи приводят воспоминания М. С. Чахоцкого: «<...> в Житковичах нас все-таки настигли вражеские самолеты. Началась бомбежка. Пассажиры рассыпались кто куда. Наконец опасность миновала. И вот тут началось са-

подобных свидетельств о сложностях на границе приводит и А. Каганович в своей книге: пограничными переходами в Латвии пытались воспользоваться и литовские евреи, которые покинули свои местечки [Каганович 2023, 44–45]. Так, Реувен Рух, живший до войны в местечке Рокишкис (Литва), подробно описывает историю эвакуации их семьи. В своих воспоминаниях он говорит о том, что 24 июня ходили слухи, что советско-латвийская граница закрыта, но никто из тех, кто ушел из местечка раньше, не возвращался [Рух 2015, 41]. Семья Рухов ушла из местечка пешком, но у них было два велосипеда, им удалось сесть на поезд в Даугавпилсе, они добрались до границы и даже пересекли ее на поезде, но их радость была преждевременной, потому что далее всех заставили выйти из поезда и после проверки документов 26 июня их развернули и отправили обратно в Латвию, в отличие от части пассажиров. Но после долгих мытарств семье все же удалось перейти границу [Рух 2015, 46].

Во многих воспоминаниях говорится о том, что людей на границе скопилось очень много. Кому-то удалось перейти ее на несколько дней раньше в обход через болота, например, об этом рассказал Шломо Камайский. Кто-то дождался, когда границу откроют, то есть, когда Красная армия начала отступать с этой территории, и уходил уже с отступающими советскими войсками. Однако те, кто покидал Латвию в последний момент после «открытия» границы с отступающими войсками, описывают бомбежки, панику и стихийное бегство. Многие в этот момент потеряли своих близких, как, например, семья Друков. Недда Стражас из Литвы описывает их ожидание на границе. Они с семьей эвакуировались из Каунаса, доехали до Даугавпилса на поезде, далее их высадили, они пошли к границе пешком, а затем поехали на подводе – этим зарабатывали местные жители. Перейти границу им не позволили, как и всем остальным, и в течение нескольких дней они жили у местных русских на хуторе, видели, как бомбили Зилупе. Затем семья снова

мое странное и, пожалуй, как я уже значительно позже поняла, самое страшное. После бомбежки люди стали возвращаться к своим вагонам... Однако не тут-то было. У каждого вагона стояли советские пограничники и пропускали внутрь лишь тех пассажиров, которые предъявляли, так сказать, “восточные” паспорта. А “западникам” дорога на восток была прикрыта. Так было на всем протяжении бывшей советско-польской границы» [Розенблат, Еленская 1997, 62].

пришла к границе, где никого не оказалось, они дошли до Себежа, где сели на поезд [Стражас 2015, 83]. Подобную же историю рассказала и Э. Мирецкая, семья которой уходила из Зилупе 2 или 3 июля: на улицах Зилупе было пусто, но по дороге на Себеж они встретили много беженцев и отступающие войска Красной армии [Сырцов, Авербух 2010, 75]. В этих рассказах можно увидеть некоторую типологическую разницу: литовские евреи и жители самого ближайшего города к границе – Зилупе ждали открытия границы, в основном будучи на постое у местных русских, а вот жители более дальних городов Латгалии по большей части расположились уже в лесу или поле. По всей вероятности, это можно объяснить разными социальными связями. Для евреев из Зилупе их знакомые, деловые партнеры и друзья неевреи жили рядом, к ним можно было обратиться за помощью. Литовские евреи оказались полностью в чужом пространстве, поэтому им проще было обратиться за помощью, заплатив за нее, а для других латгальских евреев рядом уже не было их нееврейских знакомых, которым они могли бы доверять.

В рассказах встречаются и упоминания о том, что в беженцев стреляли как советские солдаты, стоявшие на бывшей границе, так и латышские айзсарги (см. воспоминания 9, 10; Н. Стражас пишет о том, что стреляли пока они шли от границы до Себежа, она называет этих людей «местные бандиты» [Стражас 2015, 84]; об обстреле беженцев литовцами пишет Р. Рух [Рух 2015, 50]). Граница в рассказах выступает в качестве как государственной, так и природной преграды – через границу вел лишь мост через реку, а вокруг была болотистая местность, которую было трудно пройти. Само ожидание момента, когда границу откроют и можно будет двигаться далее на восток, тоже происходило у части семей на болоте (см. воспоминания 8, 10, 11). Пересказывая интервью с А. Словом, И. Рочко приводит слух о том, что задержку на границе объясняли тем, что Гитлер захватит Прибалтику и дальше не пойдет, если не пустить к себе беженцев [Рочко 2010, 304].

Часть беженцев после того, как они не смогли перейти через границу, не остались ждать ее открытия и не пошли в обход, вернулись обратно домой. Так Элинора Зайдина из Даугавпилса оказалась в гетто, где смогла выжить. Семья делала попытку уехать из Латвии, но их не пропустили на границе, и они вернулись в город: «Брат был студентом, он был студентом, и когда узнал, что нача-

лась война 22 июня 1941 г., и к нам сразу пришли немцы. Мы хотели бежать. Доехали до железной дороги, товарищи брата туда взяли, они сами, но нас русские не пустили. Так что... Нас сразу немцы забрали» [Izr_013_03_Zaidina]. Подобная история случилась и с семьей Барканов из Краславы, они доехали до границы, но вернулись. Семье удалось выжить лишь благодаря тому, что их спасла белорусская семья на другом берегу Даугавы, а соседи и знакомые помогли им туда переправиться. Об этом рассказывают нееврейские соседи этой семьи:

Были, был такой Баркан, они занимался промышленностью, богатый человек, у него даже был свой грузовичок такой, полуторка. Собрались уехать, отступить уже. Они добрались до Шкяуне – это пограничный пункт Латвийский, где курган «Дружба». <...> Так вот эти евреи добрались до границы с Белоруссией, и пограничники не пустили: «Мы только пропускаем активистов, которые были в милиции, комсомольских работников. А так не пускаем». И вернули их обратно. И вот эти Барканы тогда, буквально уже немцы оккупировали Краславу довольно быстро, их переправили на лодке за Двину. И белорусы их скрывали, белорусы. [Kras_12_01_Egorov].

Подобную историю записал и Иосиф Рочко в Прейли: семья Плаговых получила лошадь от русских старообрядцев, с которыми вела общие дела, и уехала, но вскоре вернулась – их не пропустили на границе [Рочко 2010, 213]. Вся семья погибла, об их гибели пишет в своем дневнике и Шейна Грам, которая дружила с этой семьей [Грам 2015, запись от 31 июля].

Движение вглубь СССР и обустройство на новом месте и жизнь в эвакуации / переезд на новое место / отправка на фронт. После того, как беженцам и их семьям удавалось перейти границу, они продолжали двигаться на восток с отступавшими частями Красной армии. В Псковской и других областях беженцы смогли сесть на поезда (многие помнят станцию, где это удалось сделать, например Великие Луки или Осташков) и продолжить свой путь уже по железной дороге. Далее начинается более типичная история, характерная для всех беженцев и эвакуированных из всех за-

падных регионов СССР: сложное движение на восток, которое часто сопровождалось бомбежками, смертью старших родственников, потерей детей или родителей во время остановок на станциях и воссоединением на других. Беженцев расселяли в разных областях – Горьковской, Свердловской, Ивановской, Кировской и других, многие уезжали в Среднюю Азию (Казахстан или Узбекистан). Некоторые несколько раз меняли место проживания (например, семья оказалась в Поволжье, а наступление нацистских войск привело к переезду в Молотовскую (Пермскую) область); другие уезжали в поисках более теплых мест, так как не имели зимней одежды. Так как не все семьи были эвакуированы с какими-либо организациями, то им отчасти проще было менять места жительства [см. об этом: Левин 2020, 16].

Некоторые из наших информантов потеряли во время войны родителей и оказались в детских домах (например, Борис Друк и его братья и сестры, Рива Нурук с братом). У некоторых отцы, братья или они сами отправились из эвакуации сразу на фронт: например, Шломо Камайский, который служил в Латышской дивизии, созданной в августе 1941 г., или Тевье Друк – отец Бориса Друка. Многие информанты описывают, что во время войны переболели тифом, цингой и другими заболеваниями, говорят о сложном эвакуационном быте, голоде и пр.

После освобождения Латвии все семьи наших информантов сразу же вернулись домой. Уже в 1944 г. многие из них приняли решение о возвращении, не дожидаясь даже окончания войны. Дома они узнали о судьбе родственников или соседей, многие довольно быстро переехали в Ригу, но не покидали Латвии.

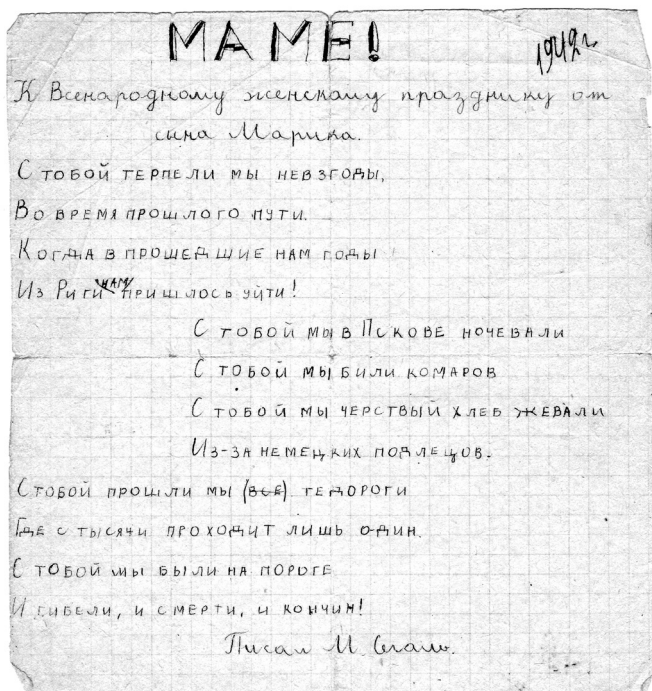
В архиве «Еврейского музея и центра толерантности» в Москве хранится переписка семьи Сегалей из местечка Малта 1944–1946 гг. Семья Сегалей (родители и трое детей) в 1941 г. покинула Латвию и была в эвакуации в Свердловской области, но в 1944 г. отец и мать были арестованы и оказались на поселении. Дети в этом же году вернулись в Ригу, где жили с родственниками. Кроме этой переписки, сохранилось стихотворное поздравление матери с 8 марта в 1942 г. от старшего сына Марка Сегалю, которому было в тот момент 7 лет. Именно бегство из Латвии он выбрал как сюжет для поздравления, стихотворение описывает в целом дорогу и сложности беженцев из Латгалии во время бегства:

МАМЕ!

*К Всенародному женскому празднику
от сына Марика.*

С тобой терпели мы невзгоды,
Во время прошлого пути.
Когда в прошедшие нам годы
Из Риги [нам] пришлось уйти!
С тобой мы в Пскове ночевали
С тобой мы били комаров
С тобой мы черствый хлеб жевали
Из-за немецких подлецов.
С тобой прошли мы (все) те дороги
Где с тысячи проходит лишь один
С тобой мы были на пороге
И гибели, и смерти, и кончин!

Писал М. Сегаль⁸. [ЕМЦТ]

⁸ Сохранена пунктуация источника.

* * *

Рассказы об эвакуации евреев из Латгалии занимают важное место не только в их семейной истории, они также важная часть локальной истории и идентичности семей. Они подчеркивают «особость» латгальского еврейства. Евреи из Латгалии считают себя частью именно латышского еврейства, несмотря на то что до 1918 г. Латгалия была частью Витебской губернии. Э. Мендельсон пишет о том, что они были ближе к польскому еврейству, чем к курляндскому, русский язык был очень важным для еврейской интеллигенции Латгалии. Однако латгальские евреи – отдельная группа, они подчеркивают свою связь именно с Латвией, все хорошо знают латышский язык (даже те, кто был выслан в Сибирь и вернулся уже взрослые, старались выучить его). В течение двадцати межвоенных лет в независимой Латвии началось формирование особой латгальской еврейской группы. Депортация в июне 1941 г., а затем начало войны и бегство из местечек, когда большую роль сыграла символическая и реальная граница между старыми и новыми советскими территориями, – все эти события привели к тому, что латгальское еврейство по сути противопоставляло себя советскому режиму и другим евреям со «старых» советских территорий. Анна Штерншис пишет о том, что многие советские евреи в результате эвакуации ощутили себя именно евреями, а не просто советскими людьми [Shternshis 2014, 503–504], латгальские же евреи укрепили свою собственную уже имевшуюся «еврейскость». Результатом массовой депортации и ситуации начала войны, когда не было оповещения об опасности, специальных средств эвакуации, но был запрет советской власти на пересечение границы, стало укрепление у латгальских евреев идеи о собственной «чуждости» новой власти. Во время войны многие старались найти своих родственников и переехать к ним, мужчины, оказавшиеся в армии, в основном служили в Латвийской дивизии – все это сложилось в особые социальные связи, которые уже после войны продолжали поддерживаться.

Приложение

1. Мы уехали. У нас был доктор, у нас был медпункт, и поликлиникой нельзя назвать. Он был врач, он приемы делал. И он был человек из Германии, но очень такой преданный евреям. Мой папа пошел к нему, посоветоваться как быть. Уезжать нам или не уезжать. Он сказал – только уезжать, потому что немцы не оставят евреев в живых. И наша семья уехала. Еще одна семья Нойчика, те остались. Еще две семьи остались, а наша семья уехала. И мы поехали, в общем, ехали долго, что-то несколько дней. По пути давали где-то продукты. Эшелон, полно народу. И евреев, и русских, и всякие там были. И была остановка эшелона. И мама с папой побежали там, где выдавали какую-то кашу. Папа вернулся, а мама не вернулась. И тронулся эшелон. Мы ехали несколько дней. Дней пять-шесть, много. И на одной станции эшелон остановился, и один из нашей компании говорит: «Ой, Рая, вот твоя мама!» И мама нас тоже увидела, она бежала, упала, ноги ушибла, но, одним словом, она вернулась в эшелон. Где-то два-три дня бродила, в общем, на другом транспорте ехала. Таким образом, мы приехали в Ивановскую область. На станцию Иваново. Там нас повели в столовую. Накормили. И нас распределили по колхозам. Нашу семью, еще одну русскую семью. Из еврейских семей только одна наша была семья. Мой брат, я, мама и папа. Мой брат через какое-то время забрали в армию. Он служил несколько лет, потом его куда-то дальше взяли на войну, по-моему. Он там был до конца войны [Riga_14_02_Fonareva].

2. Соб.: До какого года вы жили в Лудзе?

Инф.: Сейчас скажу. Как началась эвакуация, мы шли пешком, убегали от немцев, так считать в 41-м году мы со станции Гольшево, там на границе уже никакого транспорта не было, два дня мы были на границе, потом уже нас пустили, и мы пешком шли, а после войны вернулись в Лудзу, я жила тогда один год в Лудзе, а потом уехала в Ригу, поступать учиться. <...>

Соб.: Вот, когда вы эвакуировались, когда уезжали из Лудзы, вот как это происходило?

Инф.: Мы пешком шли. Когда началась война, в Лудзе уже не было никакого транспорта, только легковые машины, тогда это

было очень мало. Закрыли квартиру, пошли пешком до станции, такое место Гольшево называлось, это на границе с Россией. Там было много народу, не известно было, откроют границу или нет, сказали, что через два дня откроют границу. Мы с отцом вернулись в Лудзу, взяли фотографии, табеля об учебе, закрыли на замок квартиру. Уже когда мы вернулись из эвакуации, наш дом уцелел, но там в каждой комнате жила семья, места там нам уже не было. Когда вернулись в Лудзу, было единственное место работы – лудзенский промкомбинат. Кто из эвакуации возвращался и все туда заходили, кто кем там устраивался. В России выучилась на бухгалтера, работала там бухгалтером до того, как решили, что я должна ехать учиться. Потом уехала в Ригу, пошла учиться и там было общежитие, в техникум легкой промышленности. Жила в общежитии. Мама осталась в Лудзе. Потому что жить нам негде было. Когда мы вернулись из эвакуации из Свердловской области. Сначала мы шли триста километров пешком под бомбежками, потом нас поселили в Горьковскую область, в Бутурлинском районе, село Погибловка, название какое. Я русский не знала. Я училась в еврейской школе. Там нас поселили пять еврейских семей, пока было тепло, а как стало холодно, мы без вещей, без ничего. Уже немец приближался к Москве, стали бросать листовки «бей жидов и коммунистов». Из этих пяти семей одна семья уехала в Среднюю Азию, решили там, где тепло. Они нам написали, что там хоть одежда не нужна. Очень много народу, и мы в течение месяца добирались тоже в Среднюю Азию. В Горьковской области жили там 5–6 месяцев, мама там вязала, относились к нам хорошо. Давали муку и надо было самим печь хлеб. Мама там из маленьких кусочков стегала, делала такие на фронт одеяла. Там мужчин вообще не было, только один парень какой-то инвалид. Вечером меня брали под руку и по селу гуляли и учили меня русскому языку. Я в еврейской школе училась и русский язык не знала. Хорошо ко мне относились. Там уже нельзя было, мы уехали в Среднюю Азию, в Узбекскую ССР. Там было тепло, но очень голодно. Там столько народу наехало со всех сторон, там, где тепло. Мы жили в кишлаке, все женщины ходили с паранджой, узбекский мы не знали, а они не знали русский. Они говорили, как это – на узбекском. Записывала слова в книжечке, они называли, как это по-узбекски, чтобы что-то понять. Это была глухая деревня. Там тяжело работали, носили

носилки с удобрением, оплачивали, иногда лепешку давали [Riga_14_18_Rozenberg].

3. Соб.: Как получилось так, что вы эвакуировались?

Инф.: Тоже у дедушки была лошадь, собрались и поехали, и когда подъехали к нам, мы отдельно жили. У него восемь детей было, одна была замужем, она осталась с маленьким ребенком, когда подъехали к нам, уже некуда было что-то положить, кулек собрали, а все осталось, у меня были коньки, подарили, я взяла коньки с собой, голые и босые. Думали, что переночуем в лесу, а наутро вернуться назад в Варакляны, пока бой идет. Дедушка был такой довольно набожный. Мы поехали первой подводой, и нам навстречу с пустыми ведрами идет за водой [женщина], и дед говорит: всё, туда дорога нам закрыта.

Соб.: Почему?

Инф.: Потому что пустые ведра несли. Дед сказал, навстречу с пустыми ведрами, туда дорога нам закрыта.

Соб.: Если кого-то увидишь с пустыми ведрами, это плохой знак?

Инф.: И тогда мы вернулись, его лошадь первая шла, а потом за ним много лошадей было, и все повернули обратно. Мы бы вернулись обратно и остались, потом держали целый месяц на границе, не пропускали. Сколько в лесу погибли люди тоже, стреляли. Когда уже поехали вперед, граница закрыта, не пропускают. Потом, когда уже открыли, все войска отступают, и мы, ой, шли пешком, в общем, долго. Шли, стреляют, немцы уже догоняют. Дошли до Орла, и там уже Орел горит, нельзя было проехать. На какой-то станции мы сели в товарный вагон и эвакуировались.

Соб.: И где вы были в эвакуации?

Инф.: Вот тетя сказала, у нее родственники все голые и босые, в Алма-Ату ехать, потому что там тепло. Мы поехали в Алма-Ату. В товарный вагон посадили нас, как скот. Потом мы поехали, по дороге сестра старшая заболела дифтерией. Наш вагон отцепили, сестру высадили с мамой. Потом нас пересадили в другой вагон, мы поехали, в Алма-Аты нас не пустили, 150 километров, мама осталась там на улице с сестрой. Она на улице ночевала, ни копейки денег. Она пошла на вокзал, помогла людям переносить вещи. Так она мучилась, потом они уехали со старшей сестрой. Потом мы

нашли друг друга. Мама нашла нас. Потом все началось, выжили-то – чудо. Голодали страшно. Ну, слава богу, вернулись. Переболела я там, болела цингой. Вот такая судьба, хорошо, что остались живы.

Соб.: Вы не знаете, почему другие не уехали?

Инф.: Ну, которые очень богатые люди, не хотели бросать свое богатство. Кто знал, что такое, что будут убивать. Думали, как первая война. Мама рассказывала, когда военные зашли, то немцы тогда ничего не трогали. Сейчас тоже так думали, что война идет, но никто ничего не будет трогать. Кто знал, что будет такое.

Соб.: Когда вы были там в Казахстане...

Инф.: Мы тоже не знали, что тут творится.

Соб.: Как вы узнали?

Инф.: Потом, когда вернулись, все вот эти варацляские рассказывали. Местные рассказали о варацлянским фельдшере, которая была особенно враждебно настроена против евреев [Riga_14_01_Florenc].

4. <...> Вот началась война, и мы бежали, и бежали все вместе, а потом потерялись, мы в одном месте очутились, а та семья – в другом. Так, началась война, мы бежали. Два раза бежали. Один раз бежали. Это же недалеко от границы, Карсава, там 17 километров. Вначале мы ушли пешком, кое-что взяли, какие-то вещи. А отцы остались в городе, какие-то дела у них были. А потом почему-то сообщили, раньше не было всяких, телефон был у нас дома, не было как сообщить, но кто-то пришел и сказал, что немцев отогнали, возвращайтесь обратно. Только мы вернулись назад, через какое-то время сказали: «Всё, надо бежать». Уже где-то там грохотало, стреляли. Следом за нами стрельба была. Потом бежали, и пешком шли долго-долго. Перешли границу, долго шли лесами, всякими дорогами, городами. Короче, добрались до какого-то города в России, какого – я не помню, что это был за город. Потом нас посадили на платформу, поезда там шли. Так мы очутились в каком-то городе Горьковской области, город, в общем, в Горьковской области, и там нас привезли в колхоз. Уже зима началась, пока туда-сюда. Конечно, мы были раздеты, были в чем бежали и в том и были. Все было очень плохо. Сначала мама умерла, короче, она отморозила руки. В общем, там было все ужасно. Нас с братом, меня и брата

отвезли в центр, город Лукоянов, поместили нас в детский дом. А та семья, они уехали в Ташкент, мы с ними каким-то образом потерялись. Там тоже всякое было, там они поумирали старшие девочки, осталась одна девочка, моя двоюродная сестра, и ее маленький брат из этой семьи. Так выжили я со своим братом, и она со своим братом. После войны мы встретились. Я жила в этом детском доме. Жили мы с братом там почти три года. В 44-м году приехали обратно сюда, в Латвию [Riga_14_03_Nurok].

5. Потом, когда началась война, пришел мой двоюродный брат к отцу. Отец был такой очень хозяйственный человек, у него было... большой магазин. Мама сказала перед смертью, что нас хотели выслать, но что-то случилось, не выслали. Дом наш не забрали, потому что он не подошел под национализацию, что-то не хватило один метр и дом остался у нас. <...> На Талавис маленький домик, который рядом с домом Томшинских, была синагога маленькая. В этой маленькой синагоге командовал дед. Во время войны мы ехали в поезде, не поезд, а товарняк, мы там ехали, пешедралом шли, потом что-то пароходом ехали. Потом Горький, я закрываю глаза – и вижу Горький. А потом нас пересадили в товарняк, ехали товарняком, когда мы расстались с папиной сестрой, ехала еще одна семья, у них лошадь была, а у нас не было ничего. Взяли серебряные ложки, мама закрыла дом, и ушли. В общем, мы сели в эшелон, в товарняк, и ехали до станции до Эльтон, там добывали соль. В эшелоне ехали военные, там были раненые, и несколько солдат зашли к нам в вагон и ехали вместе с нами, и этот эшелон раздолбали немцы. Мы оказались в яме. Я вот так закрываю глаза – и вот так осколок пролетел, я вот помню вот это очень хорошо. Папа как-то выкарабкался, стал всех звать и все отозвались, все отозвались, в общем, дедушка был контуженный, он старенький был, и папа его там похоронил. Талес ему закрутил, тфилин, сидур положил. И папа его там похоронил на этой станции. Этот эшелон разбомбили, а солдатики, которые ехали с нами, они остались живыми. Этим эшелонном мы доехали до Оренбург, это Чкалов бывший. Туда мы приехали, мама тоже была контужена, там раненые ехали, и папа вроде, как санитар. В общем, мы добрались до этого самого до Оренбурга. Из Оренбурга нас отправили в Овчинный городок, там не было школы, мы не учились. Так-то, что я была, а у меня еще два брата было, я была самая старшая.

Мама и папа работали на этом овчинном заводе, там кожу вырабатывали. В общем, голодали, жрать нечего было, в общем, было не сладко. Там был директор фабрики, папа... [директор] спросил его: «Как вы живете?» Папа говорит: «Жена работает, я работаю». А папа кожу выделывал, снимал это всё, мездру, как она там называется. Он спрашивает его: «Вы откуда?» А папа говорит: «Мы из Прибалтики». А, поняли, что у нас этого не было, не воровали ничего. Он дал понять, что нужно воровать. Папа говорит: «А мы на это не способны». Вот так мы и жили [Riga_14_13_Haitova_Tomshinsky].

6. Соб.: Когда стали подходить немцы, вы как спаслись, то есть вы знали, что приходят немцы?

Инф.: Когда началась война, средняя сестра работала тоже в Риге. И в это время приехала к нам в отпуск, и мы не пустили ее обратно. Рига была занята немцами. К нам стали прибывать беженцы, рассказывать, что немцы убивают, что надо эвакуироваться.

Соб.: И вы уехали?

Инф.: Мы их подкармливали, у нас была большая площадь, и они там поместились. Мы с ними эвакуировались, а кто остался – тех убили, всех убили.

Соб.: Вы знали, что нужно уходить?

Инф.: Да.

Соб.: А те, кто остался – почему, если знали, что плохо?

Инф.: Они уже пожилые были. Немножко больные. Старые люди не хотели все бросать. Мы все бросили и уехали.

Соб.: Куда вы уехали, эвакуировались?

Инф.: Мы сначала шли пешком, потом нас погрузили в товарные вагоны и отвезли в Марийскую ССР. Мы не знали, куда нас везут, везли и везли.

Соб.: Вы туда приехали и долго вы там жили в эвакуации?

Инф.: Все годы войны там жили.

Соб.: Все годы войны [Riga_14_14_Paikina].

7. Инф.: <...> А у нас речушка маленькая – и граница России, и сразу Себеж. Как началась война, папа пришел (у нас так: озера с одной стороны, озера с другой стороны) и говорит: «Или мы уезжаем, или беремся за руки – и в озеро». Уже радио-то слушали и уже про немцев-то всё знали.

Соб.: Вы знали, что будут убивать немцы?

Инф.: Знали уже, что Германия евреев не любит. Я не знаю, только знаю, что «все за руки – и в озеро». Я помню, лошадь была что ли, телега такая, кое-что собрали с собой, речушку переехали, по дороге все разбросали, да, там уже немцы. Но я лично немцев не видела. Я немцев увидела, когда мы приехали уже с войны, и за окном у нас был маленький заводик здесь в Риге, и там немцы работали, и только там я их видела. Помню, когда мы перешли границу, мы же не знали, где ложиться, там мы легли под пушкой, «Катюшей». Там такой стук, такой грохот, нам говорят: «Идите на вторую сторону ложитесь!» А мы уже всё покидали. Нас посадили, нет, сперва в вагонах мы ехали до Калининграда [т.е. г. Калинин]. Как латыши здесь все говорят, вот их выслали, в эвакуационных вагончиках ехали, мы тоже ехали в вагончиках. А в Калининграде [Калинине], я не знаю, какой теперь город, нас посадили на пароход. По всей Волге везли, и на всех станциях кормили. Сейчас Волгоград, как же он раньше назывался? Сталинград. И высадили нас в одном селе между Астраханью и Сталинградом. Там верблюды ходят, арбузами кормят. У нас здесь в Латвии же не было ни таджиков, ни негров, мы не знали. Другая нация называлась «нацменьшинство». Там жили такие, это получается нацмены. Вот такие люди там жили. Там черного хлеба не было, только пшеничный этот хлеб. <...> Мы приехали в Сталинград, немцы уже стали подходить, папу забрали уже на войну. Немцы стали подходить к Сталинграду. Нас опять в вагончики и в Пермскую область, раньше Молотовская область. Там нас распределили в один колхоз, село Орда было. Я все помню, как мы жили в палатке, когда деньги получали, тоже все писали. Там нас распределили к женщине-кладовщице, это хорошо было. Мама устроилась в партийную столовую буфетчицей. Я помню полати, вот мы спали, у нее двое детей. Еённые дети спали, и мы спали. И стояла чугунка, которая топилась, чтоб тепло было. Оладьи со свеклы пекли, очень вкусные. Котлеты с конины делали. Тоже очень вкусные были. В колхозе дома не сидели, мама с буфета партийного приносила. Не голодали. Но я в Сталинградской области заболела сыпным тифом, у меня коса была, у меня срезали это все. А потом в Молотовской области – брюшным тифом заболела. И хорошо, что там был врач Ленинграда, он был на протезе, у него была одна нога, не знаю, в войну или не в войну [ампутировали

ногу]. И его сестра была медсестрой. И там в таком доме они организовали больницу. Я сейчас помню, я вставала ночью от большой температуры, меня боялись остальные, я дергала за кровати других, так мне положили 2 доски и веревками обвязали, чтоб я не вставала. Я кричала: «Дайте мне мою шелковую рубашку». Я помню, у меня до войны были туфельки красивые, и платье было красивое, у меня «поцелуйчик» был – кольцо. С папой в Зилупе ездили за товаром. Там жили евреи богаче, на векселях давали товар [Riga_15_04_Vanyugina].

8. Тут началась война, мне в то время было 12 лет, сестры было 14, а другой сестре было 17. И мы пешком перешли границу из Лудзы в Россию, до границы дошли мы, и держали нас неделю на болоте, ни еды, ничего не было, голые. Потом открыли границы, и нам сказали: идите, куда хотите. Прошли через Осташков, в общем, столько городов прошли, в эти города, которые мы проходили, там не было поездов. Потом мы пришли в город Холм, в этом Холме был поезд, и сели мы, и поехали. В Вологде были, в Актюбинске, Свердловске, Ташкенте, Бухаре мы были, везде мы объехали. Народу было везде много. Столько на нас было вшей, что метелкой надо было мести, такие мы все были грязные, голодные. Потом нас из Свердловска нашла, и мы приехали в Свердловск, остановились у нее, и прожили там у ее год, потом поехали, там на какой-то станции нам дали квартиру, и приехали мы в Чебоксары, и тут уже ближе к концу войны. Мы поехали туда в Чебоксары где-то в январе, а в мае уже победа. Еще война не кончилась, а мы уже были в дороге домой, и приехали домой, дом наш стоял на месте, всё, конечно, воровали, всё украли. Вот все соединились [Riga_15_18_Dubovskie].

9. Инф.: Я в Даугавпилсе жила до 55-го года. С 30-го. Так что из Даугавпилса. И все мои родственники были в Даугавпилсе – и все погибли во время войны, все родственники, у мамы сестры были, и дети, и все, остались мы только из нашей семьи живы только я, мама и брат и всё, остальные все погибли, кто не успел бежать. Потому что нас никто не вывозил, мы бежали к вокзалу, к поезду. Сели в поезд, в поезд бомба попала – и весь поезд горел. И кто там был, кто успел выбежать – и бежали в Россию, две недели пешком. Вот так моя жизнь началась в России. <...> Сюда мы вернулись уже

в Латвию после Победы, в 45-м году. [И вернулись в Даугавпилс?] В Даугавпилс, конечно. Мы жили, когда мы попали уже во время войны, шли к каждой станции – и не только мы одни, там толпа народу шла. Мы еще думали, что мы отца где-то встретим, потому что, когда шли на вокзал, бомбы упали, он еще вспомнил что-то дома забыл или документы, я уже не помню, и он говорит, я вас догоню. Он вернулся [домой], и больше мы его не видели. Кто говорил, что там где-то его видели, но это уже на границе было. Там мы подождали ночь, народ весь шел, это граница Латвии с Россией. Там была канава такая, это граница канавы, через нее мостик из досок, и солдаты русские. Солдаты стояли, границу охраняли, там помню, среди них раненые были завязанные, и нас не пропускали в Россию. Мы как иностранцы были из Латвии, хоть это целый год уже была Россия. Потом, когда они получали приказ, что им надо отступить, и тогда вся эта толпа, весь народ, который там ночевал – и через этот мостик, через канаву – в Россию, так лесами шли. Мало того, что сверху бомбы летели, еще наши латыши – айзсарги еще стреляли в евреев. Ночами шли, без вещей, помню, у кого-то там чемодан был. Значит, мне было 11 лет, братику было 6 лет, мама и бабушка с нами жила. То, что там было, самое необходимое. Помню еще, как мама с папой деньги поделили крупные, если растеряемся, то, что дома были наличные, документы да, я помню, у мамы паспорт был, бабушкин паспорт был. Ну, вот, папу мы больше не видели, и шли мы две недели пешком, то, что где-то одежда была, там, где-то платье, пальтишко было. Лето, жара была, добрые люди подкормили что-то. В общем, голодные, конечно. Копейки там какие-то были, там крестьяне по дороге там кусочек продавали за эти деньги, и шли мы две недели. Если вы знаете такой город – Великие Луки, там стоял состав, который шел из Витебска. Состав: открытые платформы и на них станки, какой-то завод из Витебска вывозили в Россию. Ну, в общем, никто не гнал, карабкались все люди на эти открытые платформы и на голых досках, и вот так мы ехали по России, сверху бомбы летели, и доехали мы до Урала. На станциях кормили, это я помню. Эшелоны приходили уже организованные, по России уже организовано шли, и там, значит, на станциях стояли столы и людей кормили обедом, и там похлебки какие-то, мы питались, да. Я была как главный поставщик, мама лежала, ноги опухшие, не могла подниматься, бабушка тем более, братик ма-

ленький после болезни, он за год до этого менингитом переболел. Ну, в общем, вот так мы и доехали до Урала. Там на Урале подводы стояли, развозили по колхозам всех этих прибывших. Из Латвии только мы одни были, которые попали на этот состав, остальные все были из России беженцы. Попали в колхоз, там мы пожили до самой осени. Осенью холодно на Урале, одежды-то у нас не было, еще там были беженцы российские. Надо ехать на юг, там тепло, и мы подались на юг без денег, без жратвы и доехали мы до Казахстана. Помню, тоже какой-то эшелон, поезд без билетов. В общем, мы туда приехали, там летом-то жарко, а зимой мороз 30 с лишним градусов, без снега, представляете. Без снега, ветер свистит, песок несет, пустыня, снега нет, одеться негде. Вот так мы и жили там. Мама работала, нашла две работы, бабушка умерла в первую зиму, а мы в школу пошли. Вот так я училась там в Казахстане, город большой Джамбул. И вот до Победы. Уже после Победы у нас полномоченный был в Латвии. Женщина, она тоже была из Даугавпилса, и еще там две-три семьи оказались из Латвии в этом большом городе, и получили разрешение вернуться домой.

Соб.: В каком это было году?

Инф.: Это был 45-й год, Победа как раз, через месяц. Запаковали кули и пошли на вокзал, и шел эшелон, как раз в Латвию оттуда со всех концов, и вот мы доехали до Даугавпилса [Riga_15_02_Yahnina].

10. Инф.: Когда началась война, я учился в городе Резекне, знаете Резекне? Там была еврейская гимназия <...> Когда началась война, я бежал из Резекне домой 26 июня в Корсовку к родителям, чтобы убежать в Россию, чтобы они бежали в Россию. Родители никак не хотели идти, я говорю: «Я ненавижу советскую власть, но бежать надо отсюда, потому что немцы нас всех убьют».

Соб.: А вы знали, что немцы убивают?

Инф.: Да, я знал, я читал в тридцать третьем году книгу, книгу Гитлера «Майн кампф».

Соб.: Она была в Латвии?

Инф.: Да, на латышском языке, и там было все сказано насчет евреев. И мы знали о том, что будет. И когда я прибежал домой, родители никак. И 3 июля 41 года наш раввин города Карсавы, рав а-гаон Дов-Бер Ольшванг, раввин Ольшванг кричал на идиш, я вам

скажу на идиш, после переведу: «Идн лейбт, дер мердер фар дер тир! – Евреи, бегите, убийца у дверей!» Он старый раввин, умница, бежал в Россию и с ним зять рош-иешива Двинска Шахнович. Зять его и один внук его дочери Дов-Бер-Велвел Спивак, женщины не шли, и они трое ушли с нами. А граница от Корсовки, российская граница 16 км, слышали, наверное, да? Гольшево. Когда пришли к границе, советские начали гнать назад и не пропускали, и никак не пропускали, они начали по нас стрелять и убили много евреев у границы. Это была советская пограничная служба. Мой отец знал очень хорошо эти районы, мы отошли южнее какой-то километр, в болоте мы перешли границу. Я держал вот так вот велосипед. Мы ничего не взяли, только пальто у нас было у каждого, какой-то маленький мешочек мелочи. И мама взяла, как сегодня помню, буханку хлеба, килограмм масла и килограмм сахара. И мы перешли эту границу. Я до сих пор был в болоте [показывает по пояс], но ничего, мы прошли. Мы шли до города, до города Осташкова. Слышали? Это в России. Это было 560 км. Мы шли пешком, все время пешком, и с нами раввин шел пешком. Но его подвозили часто, его российские солдаты подвозили. Видели – какой-то человек идет, красиво одет, элегантно, очень порядочный красивый человек. И он бедный умер от голода в Самарканде, а зять был родом из Польши, и он добрался до Польши с внуком маленьким, и он стал в Америке главным раввином города Чикаго. Я не знал об этом, я искал, мне сказали, что он год тому назад умер, но привезли его сюда хоронить в Иерусалим, там на святом месте. Всё. Ну как Вам еще сказать. Мы добрались до города... Новосибирска, оттуда мы поехали южнее, есть такой город, Сталинск назывался, называется сейчас Новокузнецк. Слышали, да? И там нас направили в колхоз, это был уже конец июля. Я услышал, что образуется Латышская дивизия в Советском Союзе. Я сказал маме, что пойду на фронт. «Что ты? Тебе еще 16 с половиной лет. Куда ты бежишь?» Я пошел в военкомат, и там встретил моих друзей, еще два человека из Люциана-Лудзы, Хаима Сандлера, а второй был Михаил Шпунгин [Isr_14_01_Kamaisky].

11. Он сказал: «Беги, беги. Немцы уже тут, они же на машинах». Уже времени не было, он взял подводу, подвода была своя. Нас быстро на подводу, подвода была своя, приехали в город Карсаву.

Есть такой около границы. Как раз были пятница, а у меня родители были верующие, также как и родители моей жены. Она все знали друг друга. И в пятницу пекли халы, все уже ждали субботу. А подводы стояли под навесом, это из рассказа моих предков, я же не помню. А меня с братом отправили к деду, чтобы отнести, что на шаббат приготовили. В это время тревога. Все на лошадях – и бежать к границе. К границе приехали нормально, но приказ вышел, что этих всех в сторону и пропускать войска, которые отступали. А войска отступали, немец налетел и разбомбил и войска, и всех беженцев. И все мы растерялись, абсолютно растерялись. И вот папа один остался с пятью детьми, я старший. Мать шла со своей матерью, ее же не бросишь. Там же делали, да и сейчас, наверное, так, там же речка, болото было, только был проход сделан, перебрались туда, там было две дороги – одна вправо, другая прямо. И, конечно, беженцев, где поуже дорога. И отец пошел по одной дороге, а мать с матерью по другой. И мы растерялись, и когда мы прошли подальше, встретили деда, маминого отца. Ну с подводой они переехали, ну и с дедом они как-то: «Ты загубил мою дочь, загубил мою жену». А те тоже пошли в другую сторону. Мать с бабкой больше не видели отца. И вот отец с пятью детьми. Мы же переходили границу с дедом, мы же ему ужин несли туда. А отец, значит, нес одного на руках, еще девочку на руках, а младшего, ему где-то около года, он в зубах таскал его, в зубах, потому что в болоте. И все мы вышли, и остались живы. И вот шли, шли пробирались, ни кола, ни двора, кто что-то даст <...> И так дошли до железной дороги, посадили всех нас на эшелоны, которые там могли собрать еще. Никакой пищи там не было, когда была бомбежка, эшелон останавливался, и мы все бежали туда. А отец, так как был верующий, он с Богом разговаривал. Значит, Боженька, он [отец] накрывал нас всех, и мать рядом, и просил, чтобы бомба упала на всех нас. Но нельзя мучиться, нас 5 детей, я самый старший, шесть с половиной лет, и еще у меня был близнец. Мы же орем, все кричим, и вот так вот мы пошли, я уже не помню всех подробностей, но отец хотел всех нас зарезать, и последний сам под поезд броситься. Так мы остались живы. Младший заболел, дизентерия, его отправили с больными детьми, а мы так добрались до Кировской области, город Слободской есть такой. Там он нас всех сдал в детдом, пришел в себя, мать свою он отвез к сестре своей, она жила недалеко от этого города, ну

к дочке все-таки, нас – в детдом, а сам – заявление на фронт. Добровольно пошел на фронт [Isr_15_03_Druk].

Информанты

ЕМЦТ – Архив Еврейского музея и центра толерантности. КП-001133. АФ-000346. Письмо-поздравление для Сегаль Х. А. от сына Марка к 8 марта 1942 года.

Isr_14_01_Kamaisky – Личный архив С. Н. Амосовой. Зап. от Камайского Шломо, 1923 г.р., род. в г. Карсава. Соб. С. Амосова. Зап. в г. Иерусалиме в 2014 г.

Isr_15_03_Druk – Архив центра «Сэфер». Зап. от Друка Бориса Тевьевича, 1934 г.р., род. в г. Крустпилсе. Соб. С. Амосова. Зап. в г. Бат-Ям в 2015 г.

Izr_013_03_Zaidina – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Зайдиной (Магид) Элионоры (Эллы) Моисеевны, 1923 г.р., род. в г. Даугавпилсе. Соб. М. Гехт. Зап. в г. Иерусалиме в 2013 г.

Kras_12_01_Egorov – Архив центра «Сэфер». Зап. от Егорова Олега Константиновича, 1931 г.р., род. в г. Дагда. Соб. С. Амосова, Е. Смирнова. Зап. в г. Краслава в 2012 г.

Riga_14_01_Florenc – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Флоренц (Димант) Блюмы Мовшевны (Моисеевны), 1927 г.р., род. в г. Варакляны. Соб. М. Гехт, К. Стродс. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_02_Fonareva – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Фонарёвой Раи Израилевны, 1921 г.р., род. в с. Нирза (Зилупского района). Соб. С. Погодина, М. Гехт. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_03_Nurok – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Нурок (Фальковой) Ривы Мордуховны, 1928 г.р., род. в Карсава. Соб. М. Гехт. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_13_Haitova_Tomshinsky – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Хайтовой (Мовшович) Михли, 1932 г.р., род. в г. Лудза. Соб. С. Амосова, М. Гехт. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_14_Paikina – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Пайкиной Хавы, 1925 г.р., род. в м. Шкяуне (Лудзенская область). Соб. С. Погодина, Т. Пилиповец. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_15_Zas – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Заславской Адель Исааковны, 1924 г.р., род. в г. Симферополе. Соб. С. Погодина. Зап. в г. Риге в 2014 г.

Riga_14_18_Rozenberg – Архив Музея «Евреи в Латвии». Зап. от Розенберг (Эйдельман) Ханы(-Леи) Моисеевны, 1927 г.р., род. в г. Лудза, Соб. С. Амосова. Зап. в г. Риге в 2014 г.

- Riga_15_02_Yahnina – Архив центра «Сэфер». Зап. от Яхниной Беллы, 1929 г.р., род. в г. Даугавпилсе. Соб. С. Николаева, Д. Веденяпина. Зап. в г. Риге в 2015 г.
- Riga_15_04_Vanyugina – Архив центра «Сэфер». Зап. от Ванюгиной (Аронс) Хаи-Соры Боруховны, 1931 г.р., род. в г. Зилупе. Соб. С. Амосова, С. Погодина. Зап. в г. Риге в 2015 г.
- Riga_15_18_Dubovskie – Архив центра «Сэфер». Зап. от Дубовской Иды, 1928 г.р., род. в г. Лудза. Соб. А. Полян, А. Ширикова. Зап. в г. Риге в 2015 г.

Литература и источники

- Амосова 2023 – *Амосова С. Н.* «Наше время кончилось»: эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2023: «Последние времена» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12 URL: <https://slavsjewsculture.org/index.php/sjc/article/view/114>
- Воспоминания – Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. <https://lost-childhood.com> (дата обращения: 13.05.2024)
- Грам 2015 – *Голос Шейны Грам.* Дневник пятнадцатилетней девочки из местечка Прейли / предисл. и пер. Б. Герцбаха // *Неизвестная Черная книга: Материалы к «Черной книге»* под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга / сост. И. Альтман. М: Издательство Corpus, 2015. С. 326–332. <https://corpus.prozhito.org/person/3589> (дата обращения: 1.05.2024)
- Инструкция 1995 – Инструкция НКВД СССР пограничным частям Ленинградского, Белорусского, Украинского и Молдавского округов о порядке охраны зоны заграждения, 27 декабря 1940 г. // *Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов.* Т. 1. Кн. 1. Накануне. Ноябрь 1938 – декабрь 1940. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 300–302.
- Каганович 2023 – *Каганович А.* «Ташкентский фронт». Еврейские беженцы в советском тылу. М.; Иерусалим: Издательство М. Гринберга, 2023. 448 с.
- Камайская 2013 – *Камайская Г.* Девочка из ГУЛАГа. Автобиографическая проза. Иерусалим: Скопус, 2013. 192 с.
- Карпенкина 2021 – *Карпенкина Я.* Западное пограничье СССР в 1939–1941 гг. как «буферная зона» (случай Западной Белоруссии) // *The Soviet and Post-Soviet Review.* 2021. № 48. С. 345–366. DOI: 10.30965/18763324-bja10036

- Левин 2020 – Еврейские беженцы и эвакуированные в СССР, 1939–1946 / под ред. З. Левина. Иерусалим: Ассоциация Хазит ха-кавод, 2020. 329 с.
- Розенблат, Еленская 1997 – *Розенблат Е. С., Еленская И. Э.* Пинские евреи: 1939–1944. Брест: Брестский государственный университет, 1997. 312 с.
- Рочко 2010 – *Рочко И.* Судьбы евреев-беженцев из Латгалии (1941–1945) (из воспоминаний свидетелей) // Евреи в Латгалии: Исторические очерки. Кн. 1. Даугавпилс: Музей «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии», 2010. С. 300–418.
- Рух 2015 – *Рух Р.* Советская власть погнала евреев в руки нацистов // Неизвестная эвакуация: Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945 / сост. А. Берман. Иерусалим: Ассоциация Хазит ха-кавод, 2015. С. 38–53.
- Стражас 2015 – *Стражас Н.* Бегство // Неизвестная эвакуация: Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945 / сост. А. Берман. Иерусалим: Ассоциация Хазит ха-кавод, 2015. С. 78–84.
- Странга 2010 – *Странга А.* Оккупация Латвии 17 июня 1940 г. и евреи // Евреи Латвии и Советская власть 1928–1953 / науч. ред. Л. Дрибинс. Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 2010. С. 81–140.
- Сырцов, Авербух 2010 – *Сырцов И., Авербух Б.* Они жили рядом с нами... Очерки истории еврейской общины города Зилупе и Зилупского края (1900–2000 годы). Рига: Совет еврейских общин Латвии, 2010. 160 с.
- Утраченное соседство 2013 – Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии / отв. ред. С. Н. Амосова. М.: Сэфер, 2013. 384 с.
- Утраченное соседство 2016 – Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии / отв. ред. С. Н. Амосова. Ч. 2. М.: Сэфер, 2016. 382 с.
- Швейбиш 1995 – *Швейбиш С.* Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 36–55.
- Штейман 2009 – *Штейман И.* Латвийские евреи в Советском Союзе и в вооруженных силах СССР (22 июня 1941 – 9 мая 1945 года) // Евреи Латвии и Советская власть 1928–1953 / науч. ред. Л. Дрибинс. Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 2010. С. 217–263.
- Altshuler 2014 – *Altshuler M.* Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War // Dapim: Studies on the Holocaust. 2014. Vol. 28. № 2. P. 57–73. DOI: 10.1080/23256249.2014.911524
- Belsky 2024 – *Belsky N.* Encounters in the East: Evacuees on the Soviet Hinterland during the Second World War. London: Taylor and Francis, 2024. 223 p.

- Eisenberg 2024 – *Eisenberg L.* I became an Uzbek: Jewish-Uzbek encounters in World War Two evacuation // *Central Asian Survey*. 2024. May. DOI: 10.1080/02634937.2024.2348696
- Grams 2022 – *Grams S.* Es gribētu par kaut ko kļūt...: Latvijas ebreju meiteņu dienasgrāmatas, 1934–1941. Rīga: Jumava, 2022. 288 p.
- Holmes 2017 – *Holmes L.E.* Stalin's World War II Evacuations: Triumph and Troubles in Kirov. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2017. 246 p.
- Levin 2003 – *Levin Z.* Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942 // *Jews in Russia and in Eastern Europe*. 2003. № 1(50). P. 191–203.
- Manley 2009 – *Manley R.* To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 282 p.
- Mendelsohn 1987 – *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe between World Wars. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 320 p.
- Shternshis 2014 – *Shternshis A.* Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others Chose to Stay Home in 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. № 15, 3. P. 477–504. DOI: 10.1353/kri.2014.0039

Family Tales and Children's Memories of Jews of Latgalia, 1941–1945

Svetlana Amosova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
Researcher

ORCID: 0000-0001-7614-6549

Center Judea-Slavic, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Leninsky Avenue, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (495) 938-17-80
E-mail: sveta.amosova@gmail.com

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 23-28-00796 “Catalog-Index of narratives and motifs about the Holocaust (based on materials from field work, social media and the media)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00796/>

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.22

Abstract. This article examines the vernacular memory surrounding the onset of the war and the subsequent evacuation. Drawing on interviews conducted with residents of former Jewish shtetls in Latgale (southeastern Latvia) between 2012 and 2017, the narratives are organized chronologically from June 1941, marking the beginning of the war and the evacuation, to 1944–1945, when repatriation to Latvia occurred. An analysis of these narratives reveals distinct differences in the evacuation experiences of this region compared to others, particularly regarding the initial stages of Jewish flight in June 1941. A significant challenge during this period was crossing the “border,” which referred to the demarcation zone along the former Latvian-Soviet border, where Soviet troops restricted passage for newly designated Soviet citizens. Some Jews returned to their shtetls, only to perish shortly thereafter in the Holocaust, while others lost relatives amidst the ensuing chaos. The absence of an organized evacuation further differentiates the Latgalian accounts from other evacuation narratives. These stories have played a crucial role in shaping the identity of Latvian Jews and constitute an essential aspect of both family and local history.

Keywords: *World War II, Holocaust, Oral History, Evacuation, Jews, Border*

Reference for citation: Amosova, S. N., 2024, Semeinye istorii i detskie vospominaniia ob evakuatsii evreev iz Latgalii, 1941–1945 [Family Tales and Children’s Memories of Jews of Latgalia, 1941–1945]. *Kul’tura Slavan i Kul’tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 424–462. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.22

References

- Altshuler, M., 2014, Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War. *Dapim: Studies on the Holocaust*. 28, 57–73. DOI: 10.1080/23256249.2014.911524
- Amosova, S. N., 2023, “Nashe vremia konchilos’”: ekhatologicheskie motivy v rasskazakh o Kholokoste [“Our Time Is Gone”: Eschatological Motifs in Holocaust Narratives]. *Kul’tura Slavan i Kul’tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences]. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12
- Amosova, S. N., ed., 2013, *Utrachennoe sosiedstvo: evrei v kul’turnoi pamiaty zhitelei Latgalii* [Neighborhood Lost: Jews in the Cultural Memory of Contemporary Latgale]. Moscow, Sefer, 384.

- Amosova, S. N., ed., 2016, *Utrachennoe sosedstvo: evrei v kul'turnoi pamiati zhitelei Latgalii* [Neighborhood Lost: Jews in the Cultural Memory of Contemporary Latgale]. 2. Moscow, Sefer, 288.
- Belsky, N., 2024, *Encounters in the East: Evacuees on the Soviet Hinterland during the Second World War*. London, Taylor and Francis, 223.
- Eisenberg, L., 2024, I became an Uzbek: Jewish-Uzbek encounters in World War Two evacuation. *Central Asian Survey*. DOI: 10.1080/02634937.2024.2348696
- Holmes, L. E., 2017, *Stalin's World War II Evacuations: Triumph and Troubles in Kirov*. Lawrence, KS, University Press of Kansas, 246.
- Kaganovich, A., 2023, "Tashkentskii front". *Evreiskie bezhentsy v sovetskom tylu* ["Tashkent Front": Jewish Refugees in the Soviet Rear]. Moscow, Jerusalem, Izdatel'stvo M. Grinberga, 448.
- Karpenkina, Ia., 2021. Zapadnoe pogranič'e SSSR v 1939–1941 gg. kak "bufer-naia zona" (sluchai Zapadnoi Belorussii) [The Western borderland of the USSR in 1939–1941 as a "buffer zone" (the case of Western Belarus)]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 48, 345–366. DOI: 10.30965/18763324-bja10036
- Levin, Z., ed., 2020, *Evreiskie bezhentsy i evakuirovannyye v SSSR, 1939–1946* [Jewish refugees and evacuees in the USSR, 1939–1946]. Jerusalem, Assotsiatsiia Khazit kha-kavod, 329.
- Levin, Z., 2020, Evrei v SSSR v gody Vtoroi mirovoi voyny: deportirovannyye, bezhentsy i evakuirovannyye [Jews in the USSR during World War II: deportees, refugees and evacuees]. *Evreiskie bezhentsy i evakuirovannyye v SSSR, 1939–1946* [Jewish refugees and evacuees in the USSR, 1939–1946], 9–20. Jerusalem, Assotsiatsiia Khazit kha-kavod, 329.
- Levin, Z., 2003, Antisemitism and the Jewish Refugees in Soviet Kirgizia 1942. *Jews in Russia and in Eastern Europe*, 1(50), 191–203.
- Manley, R., 2009, *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, Cornell University Press, 282.
- Mendelsohn, E., 1987, *The Jews of East Central Europe between World Wars*. Bloomington, Indiana University Press, 320.
- Rochko, I., 2010, Sud'by evreev-bezhentsev iz Latgalii (1941–1945) (iz vospominanii svidetelei) [The fates of Jewish refugees from Latgale (1941–1945) (from the memories of witnesses)]. *Evrei v Latgalii: Istoricheskie ocherki* [Jews in Latgale: Historical Essays]. 1, 300–418. Daugavpils: Muzei "Evrei v Daugavpilsē i Latgalii", 482.
- Rozenblat, E. S., and I. E. Elenskaia, 1997, *Pinskie evrei: 1939–1944* [Pinsk Jews. 1939–1944]. Brest, Brestskii gosudarstvennyi universitet, 312.
- Shteiman, I., 2010, Latviiskie evrei v Sovetskom Soiuzē i v vooruzhennykh silakh SSSR (22 iunია 1941 – 9 maia 1945 goda) [Latvian Jews in the Soviet Union and in the Armed Forces of the USSR (June 22, 1941 – May 1945)].

- Evrei Latvii i Sovetskaia vlast' 1928–1953* [Jews of Latvia and Soviet Power in 1928–1953], ed. L. Dribins, 217–263. Riga, Institut filosofii i sotsiologii Latviiskogo universiteta, 344.
- Shternshis, A., 2014, Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others Chose to Stay Home in 1941. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 15, 3, 477–504. DOI: 10.1353/kri.2014.0039
- Shveibish, S., 1995, Evakuatsiia i sovetskie evrei v gody Katastrofy [Evacuation and Soviet Jews during the Holocaust]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve* [Bulletin of the Jewish University in Moscow]. 2 (9), 36–55.
- Stranga, A., Okkupatsiia Latvii 17 iiunia 1940 g. i evrei [The occupation of Latvia on June 17, 1940 and the Jews]. *Evrei Latvii i Sovetskaia vlast' 1928–1953* [Jews of Latvia and Soviet Power in 1928–1953], 81–140. Riga, Sovet evreiskii obshchin Latvii, 2010. 344.
- Syrtsov, I., and B. Averbukh, *Oni zhili riadom s nami... Ocherki istorii evreiskoi obshchiny goroda Zilupe i Zilupskogo kraia (1900–2000 gody)* [They lived next to us... Essays on the history of the Jewish community of the city of Zilupe and the Zilupe region (1900–2000)]. Riga, Sovet evreiskikh obshchin Latvii, 160.